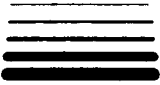
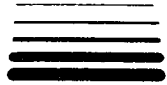

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Философия и политическая теория

СУДЬБА ДЕМОКРАТИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ШИПИЛОВА В.

Начиная разговор о современной демократии, хотелось бы, прежде всего, знать, что это такое; однако это, казалось бы, поистине общеизвестное понятие на самом деле является столь расплывчатым, что можно согласиться с А. Лейпхартом, утверждающим, что «демократия – это понятие, которое решительно не поддается определению»¹. Это не значит, что таких определений нет – напротив, их так много, что на середину 90-х годов насчитывалось более 550 определений демократии², однако от этого ситуация более ясной не становится, а, скорее, еще больше запутывается³. Дело в том, что семантика понятия «демократия» в современных интерпретациях решительно противоречит его этимологии: демократия – это чуть ли не все, что угодно, только не «народовластие», не власть народа.

М.В. Ильин объясняет это тем, что «понятие современной демократии, столь популярное ныне и в политологии, и в публицистике, фактически вобрало в себя основное содержание концепта республики. ...Произошло отождествление понятий демократии и республики через концептное подобие синонимии»⁴. В первые годы после войны за независимость в США доминировали федералисты-республиканцы, при этом понятия демократии и республики четко различались. Концепт республики первые десятилетия после революции преобладал над концептом демократии: за период 1790 – 1820 годов в США издавалось 170 газет, в названиях которых фигурировали слова

«демократия», «республика» или их производные; так вот, лишь 16 из них (9 %) использовали демократическую идентификацию. Однако в следующее тридцатилетие ситуация решительно изменилась, и теперь уже 101 газета (63 %) идентифицировалась как демократическая⁵; а в дальнейшем «республика» и «демократия» вовсе были взаимно отождествлены, так что вместо различия между тем и другим теперь различают прямую и представительскую демократию.

Однако прямая демократия в Новое и тем более в Новейшее время нигде не существовала и не существует в качестве формы государственного правления, а существующая представительская демократия не является народовластием, т.е. собственно «демократией» в классическом/античном смысле этого слова. Но в то же самое время реальная представительская демократия/не-демократия в массовом сознании и речевой практике отождествляется с собственно демократией-«народовластием», на чем и основывается ее «популярность»-народность. Дж. Сартори комментирует этот примечательный парадокс так: «Очевидный факт состоит в том, что *идеалы* демократии остались в большой мере тем же, что они представляли собой в IV в. до Р. Х. ...А если идеалы демократии — это все еще в основном греческие ее идеалы, то, значит, они адресуются к прямой, а не к представительской демократии. ...Поразительный факт, стало быть, состоит в том, что мы создали представительскую демократию... без *ценностной опоры*»⁶.

Иными словами, представительская вертикальная «демократия» до сих пор рядится в одежды собственно демократии — т.е. прямой демократии, народовластия, камуфлируя свое недемократическое содержание демократическим имиджем; так что вполне можно согласиться с Н. Хомским, считающим демократию «идеалистическим лозунгом»⁷. Современная демократия — это не власть народа и даже не власть большинства, это власть меньшинства над большинством, власть элиты над массой, предполагающая политическое равноправие граждан лишь в плоскости избирательной процедуры и в момент выборов. Такое понимание демократии фактически является преобладаю-

щим в современной политологии и восходит еще к теориям элиты Парето и Моска, а классическое определение ей дал Й. Шумпетер, считавший, что демократия — это вовсе не правление народа; «воля народа» и т.п. идеологемы суть лишь пропагандистские мифы. Демократия — это не более чем «правительство, одобряемое народом», это институт «достижения политических решений, при котором индивиды обретают власть решать путем конкурентной борьбы за голоса народа»⁸.

Впрочем, за голоса народа конкурируют не отдельные «индивиды» как таковые, а представители различных групп элиты, между которыми система «электоральной демократии» должна позволять массе делать свой выбор, но не более того⁹. Демократия и элита не противостоят друг другу, они, наоборот, скорее предполагают друг друга, так как демократическое устройство еще в большей степени, чем любое другое, зависит от выдвигаемых элитой лидеров. Собственно, демократия лишь потому остается демократией, что не является демократией, — именно так, по мнению Т. Дая и Х. Цайглера, обстоит дело в самой демократической из современных демократий — американской: «Демократия — это власть народа, но ответственность за выживание демократии лежит на плечах элиты»¹⁰.

Таким образом, демократия тем устойчивей и надежней, чем меньше в ней народовластия; власть должна находиться в руках элиты, и это и есть демократия. «Действительное формирование политики находится в руках элиты, но это еще не значит, что общество недемократично, — писал еще Манхейм. — Ибо для демократии достаточно, чтобы граждане, хотя они и не имеют возможности прямого доступа к участию в управлении, по крайней мере иногда выражали свои чувства, одобряя или не одобряя ту или иную элиту во время выборов». Соответственно демократическая избирательная система служит как для того, чтобы масса могла время от времени «выпустить пар», так и для того, чтобы одна группа элиты могла иметь возможность легитимно бороться за власть с другой. Поэтому отличием демократии выступает специфический облик элиты — по словам Г. Лассуэлла, «демократия отличается

от олигархии не отсутствием элиты, которая оказывает наибольшее влияние на общественную жизнь, а ее открытым, представительным, ответственным характером»¹¹. Демократическая элита, в отличие от олигархической, рекрутируется более открыто, она более подвижна, и именно в этом, а не в тождестве закона и народной воли, как считал К. Шмитт, и заключается основное отличие демократии от авторитарных, олигархических и прочих недемократических режимов¹².

Таким образом, ни о каком народном суверенитете и ни о каком *l'égalité* речь вообще не идет: внимание переносится, как пишет Г.К. Ашин, «...с проблемы народа как субъекта политики на свойства политсистемы, среди которых доминирует политическая конкуренция, дающая избирателю возможность выбрать одну из борющихся элитных групп»¹³. Именно так определяет демократию уже упоминавшийся Дж. Сартори, по мнению которого «демократия должна представлять собой селективную систему конкурирующих избирательных меньшинств»¹⁴. Некоторое отличие в этом плане представляет собой лишь делиберативная концепция демократии, согласно которой не относящиеся к элите люди при демократическом устройстве имеют возможность не только (и не столько) выражать свое мнение о политике правительства через выборы, но и формировать это мнение в публичном обсуждении¹⁵. Таким образом, главные демократические свободы — это свобода обсуждать действия властей и свобода надеяться на то, что это неформальное общественное мнение будет иметь какое-то влияние на принятие решений «компетентными органами». Собственно, демократическими здесь являются лишь степень свободы обсуждения и степень влияния общественного мнения на правительство: при любом режиме, вплоть до тирании и тоталитаризма, люди обсуждают действия властей, а власти внимательно изучают настроения масс, поэтому можно утверждать только то, что при демократии свободы обсуждения больше, а порог, при котором власть имущие начинают прислушиваться к общественному мнению, ниже, чем при других режимах. В остальном же современные демократические общества

немногим отличаются от традиционных недемократических, с их активностью элиты и абсентизмом массы, ибо такова вообще логика социально-экономического и социально-политического развития.

Действительно, на практике оказывается, что даже самые образцовые демократические общества — это общества реального политического неравенства, в которых право принятия решений, жизненно важных для миллионов человек, принадлежит нескольким сотням или тысячам. Массы избирателей могут отдавать свое предпочтение тем или иным представителям элиты, но сама элита от этого не становится существенно более широкой, ее удельный вес немногим отличается от той доли, которую составляли и составляют господствующие/правлящие классы в недемократических системах. По данным политологических исследований, основная часть политической элиты современных западных демократий рекрутируется из высшего и высшего среднего классов, составляющих не более 5 % населения¹⁶. Эта цифра немногим отличается от тех цифр, которыми выражалась относительная численность дворянства в империях и королевствах XVIII в. Конечно, тогда народ не избирал своих правителей, а сегодня все граждане имеют полное право раз в несколько лет «сказать свое веское слово» и произвести выбор между, скажем, демократами и республиканцами; однако современные политические технологии достигли такого совершенства, что симпатии и предпочтения рядовых избирателей все больше становятся результатом весьма изощренных манипуляций (прежде всего через СМИ)¹⁷. Впрочем, важнее даже не это, а то, что выборы — муниципальные, губернаторские, парламентские, президентские — действительно происходят раз в несколько лет, «народный суверенитет» реализуется, так сказать, в пульсирующем режиме, так что на следующий день после «всенародного волеизъявления» жизнь подавляющей части населения полностью подчиняется воле новоизбранных представителей политической элиты.

Однако еще более значимым представляется то, что сама демократическая избирательная система, какой бы реально далекой от истинного института народовластия

она ни была (к вышесказанному можно добавить, что, как было показано еще Р. Михельсом, структура и внутренняя жизнь самих демократических партий отнюдь не является демократической¹⁸), сама формируемая таким образом совокупность органов государственной власти, вообще всех выборных учреждений всех ветвей власти, составляет лишь незначительный сегмент разветвленной системы политических институтов. Ч.Р. Миллс писал: «Надо сказать, что Соединенные Штаты являются демократической страной главным образом по форме и по красноречивым заявлениям. По существу и на практике США сплошь и рядом недемократичны, и это со всей очевидностью проявляется во многих институциональных сферах. Корпоративная экономика не управляется ни городскими собраниями, ни властями, несущими ответственность перед теми, на кого их деятельность оказывает весьма серьезное влияние. Такое же положение характерно для военной машины, и оно все более усугубляется в политической структуре государства¹⁹. Представляется, что ни США, ни любое другое западное или незападное общество не стали с тех пор, когда были написаны эти строки, более демократичными именно в этом, широком смысле, несмотря на все «волны демократизации». Скорее наоборот: феномен глобализации делает все менее значимыми и те политические институты, которые соответствуют хотя бы минималистским критериям электоральной демократии. З. Бауман пишет: «Власть в наши дни глобальна и экстерриториальна; политика территориальна и локальна. ...Существует расширяющаяся пропасть между внешними границами институционализованного политического контроля и сферами, где намеренно или по недосмотру решаются наиболее важные для человеческой жизни вопросы. Эти сферы лежат за пределами досягаемости суверенного государства, и по сей день остающегося единственной общностью, в которой воплощена и законодательно закреплена демократическая процедура»²⁰.

Однако и на уровне суверенного демократического государства демократии не так много, как можно подумать. «Государственность западнотского общества состоит из

демократической и недемократической частей, — указывает вслед за Миллсом А. Зиновьев. — Для первой характерны выборность представительной власти, разделение властей, гласность, наличие официальной оппозиции, многопартийность. Во вторую часть входят административно-бюрократический аппарат, полиция, суды, тюрьмы, армия, секретные службы и т.д. Первая составляет лишь ничтожную часть государственности и ничто без второй»²¹. Более того, даже сама «демократическая часть» государственности является, по сути, лишь верхушкой целого недемократического айсберга.

Причем перспективы дальнейшего политического развития современных демократий, взятые под углом зрения глобализационных тенденций, выглядят еще более удручающе: формирующаяся уже сегодня внутриглобальная политическая система «...не содержит в себе ни крупинки демократической власти. ...Тут вырабатывается особая “культура управления”, которая со временем обещает стать самой деспотичной властью в истории человечества»²². Мрачный пафос этого прогноза, конечно, можно списать на издержки стиля, однако на уровне формирующегося сегодня глобального общества действительно нет никаких аналогов тех даже немногочисленных и слабых демократических институтов, которые присущи национальному государству: здесь некому проводить рабочие или антитрестовские законы, здесь никого не избирают, чтобы выразить таким образом свое мнение, здесь нет такой конкуренции элит, которая побуждала бы их совершать отдельные действия в поддержку непривилегированных социальных групп, и т.д.²³. Можно отметить, что в международных и межгосударственных отношениях последнего времени наблюдается устойчивое нарастание тенденций авторитаризма и иерархизма, и наиболее вероятными моделями будущей организации мира выступают либо олигархия в лице США, НАТО и «большой семерки», либо своего рода конституционная монархия с США в роли суверена²⁴; как говорит Зигмунд Бауман, «сегодня мы не видим в исторической перспективе ничего даже отдаленно напоминающего глобальную демократию»²⁵. При этом надо

учитывать тот факт, что внешние межгосударственные отношения все больше превращаются во внутренние – внутриглобальные – и то, что сегодня характерно для отношений между народами, завтра станет характеризовать отношения между странами.

Конечно, на уровне идеологии и, что еще более важно, на формально-институциональном уровне буквально-очевидных подвижек к сословной иерархичности, олигархизму, авторитаризму и т.п. во внешних и особенно внутренних аспектах социально-политической жизни демократических государств сегодня не наблюдается; однако это впечатление обманчиво. Из того, что никто не проповедует необходимость юридического оформления сословных привилегий, не призывает отказаться от демократической республики и учредить олигархию либо монархию, еще не следует, что вектор социально-политической эволюции не направлен именно в эту сторону. Здесь следует принять во внимание два фактора: с одной стороны, в истории ничего не повторяется буквально, в одних и тех же формах – наоборот, скорее одно содержание выступает в разных формах. Социальная стратификация легализовалась и легитимизировалась в разные эпохи, в разных обществах по-разному, так что не следует думать, что в будущем высшие и низшие страты будут конституироваться буквально в тех же формах и категориях, что и исторически известные сословия (поэтому мы и говорим не о сословиях в буквальном смысле, а о квазисословиях – просто за неимением не существующего пока термина). С другой стороны, в истории одна и та же форма может иметь разное содержание, что особенно ярко проявляется в концептуально-понятийной сфере, в частности, в политической терминологии: такие понятия, как «республика», «империя», «консул», «патриций», «гражданин» и т.д. и т.п., в разные периоды истории Рима, средневековья, Нового времени служили обозначением очень сильно отличающихся друг от друга денотатов, но при этом, как правило, происходила такая контаминация значений, при которой новое содержание концептуализировалось и вводилось в идеологический оборот посредством старой формы, примером чего может

послужить бегло рассмотренный выше случай с понятием «демократия».

При этом следует заметить, что речь идет не только о словах: и правовые институции, и административные институты обычно также наполняются новым содержанием, сохраняя старую форму, что во многих случаях ведет к образованию не только юридических, но и административных фикций. В истории часто бывает, что правовые нормы не отменяются, а переосмысляются, политические же учреждения не упраздняются, но коренным образом изменяют свой статус и функции. Например, установление империи в древнем Риме вовсе не сопровождалось уничтожением республики: все республиканские магистратуры были сохранены, сенат заседал по-прежнему, и даже комиции (народные собрания) собирались вплоть до начала III в. н.э. Собственно, сами римляне по-прежнему считали, что живут не в монархии, а в республике: правитель был «принцепсом», первым сенатором – а также императором, народным трибуном, цензором и т.д., т.е. с формальной точки зрения все оставалось по-прежнему; новым было лишь то, что разные магистратуры стали принадлежностью одного лица. И только через три века форма была приведена в соответствие с содержанием: принципат сменился доминатом, и правитель из «первого» превратился в «господина». Исходя из этого можно предполагать, что и сегодня политическая новация не уничтожает традицию, а как бы «снимает» ее и с демократией происходит то же самое, что и с национальным государством: все вроде бы остается на своих местах – выборы, парламенты, президенты, разделение властей, права и свободы, но все это все больше теряет реальное значение и превращается в юридически-административные фикции.

Действительно, демократическое национальное государство, как формулирует Р. Арон, «...имеет триединую характеристику: участие всех граждан, или подданных, в деятельности государства в двойной форме – во всеобщей воинской повинности и во всеобщем голосовании; совместимость, или равнозначность, политической воли и культурных традиций; полная независимость национального

государства от зарубежных стран»²⁶. Насколько сегодняшняя действительность отвечает этой системе критериев? Вместо национальной независимости мы видим эрозию государственного суверенитета и глобальную взаимозависимость; граждане еще участвуют во всеобщем голосовании, но значение формируемых таким путем органов власти очевидно снижается; всеобщая воинская повинность в большинстве стран еще сохраняется, но современные военные технологии не требуют массовых армий, поэтому призыв ограничивается сроком менее года, боеспособность комплектуемых призывниками подразделений оставляет желать лучшего, а реальные боевые действия ведутся профессиональными военными, обладающими как необходимой технической подготовкой, так и эффективной мотивацией²⁷. Профессиональная армия, продолжительное существование которой обычно ведет к складыванию чего-то подобного военному сословию, насколько нам известно из истории, является принадлежностью не демократических обществ, а авторитарных или олигархических государств, с их глубоко стратифицированным в объемно-правовом отношении социумом. Поэтому наблюдаемый практически повсеместно переход к профессиональным вооруженным силам, на наш взгляд, служит еще одним подтверждением того, что вектор развития сегодня направлен не к демократии, а в прямо противоположную от нее сторону. Что же касается равнозначности политической воли и культурных традиций, то в этом отношении складывается еще более показательная ситуация, которая концептуализируется в таких понятиях, как толерантность, политическая корректность и мультикультурализм. На наш взгляд, распространение соответствующей идеологии выступает не чем иным, как коррелятом эволюции от демократии к авторитаризму и от относительно минимально стратифицированного в политико-правовом отношении общества к социуму квазисословного типа.

Дело в том, что сегодня многие исследователи отмечают наметившийся в развитых западных странах, и прежде всего в США, конфликт между правами человека и правами групп²⁸. Как понятие свободы вытесняется понятием

блага, так и понятие прав индивида вытесняется понятием групповых прав²⁹, что является непосредственным следствием идеологии и политической практики мультикультурализма. Если, согласно Всемирной декларации прав человека 1948 г., решение проблем групповой дискриминации (расовой, половой, языковой, религиозной) должно было обеспечиваться не посредством предоставления особых прав этим виктимизированным группам, а посредством предоставления равных прав всем гражданам (т.е. каждому гражданину в отдельности как таковому, а не как представителю той или иной группы), то сегодня в США и в несколько меньшей степени в странах Западной Европы распространяется прямо противоположная практика. Расовые, этнические и прочие меньшинства выступают за предоставление им особых групповых прав и добиваются на этом пути значительных успехов, выражающихся во введении разного рода льгот, квот при получении образования, трудоустройстве, пропорционального представительства в органах власти и др.³⁰.

Этот коммунитаризм явно противоречит либеральной традиции, основывающей политическое устройство не на групповой, а на индивидуальной идентичности, и очевидно разрушает ее, так что нация-государство постепенно превращается в сегментированное общество, состоящее из юридически различающихся своими правами групп, т.е. фактически сословий или квазисословий. «Один из парадоксов конфронтации мультикультурализма и поддержания макроидентичности по гражданству состоит в том, — указывает И. Мильчин, — что именно политика идентичности позволяет следовать классическим принципам либерализма, защищающим права индивида, в то время как мультикультурализм подчеркивает права групп и обособляет эти группы друг от друга»³¹.

В основе западного демократического общества лежит автономность индивидов, равенство прав, приоритет личных интересов над групповыми; равноправные граждане могут стремиться к достижению своих целей как в индивидуальном порядке, так и объединяясь в группы, однако характер деятельности таких групп определяется целями,

которые ставят себе их участники, а не качествами, которыми они обладают. Между тем сегодня групповые права получают приоритет над личными, и расовая, этническая и другие виды групповой принадлежности начинают определять правовой статус индивида. Это может служить еще одним подтверждением того, что практика мультикультурализма и идеология межгрупповой толерантности своим высоким и все более увеличивающимся влиянием обязаны антидемократическому вектору развития современного мира. В.Л. Иноземцев указывает, что «демократические институты, свойственные западному обществу, не могут эффективно функционировать в сегментированном обществе, состоящем из различных групп и ассоциаций...»³². А так как процессы сегментации, становления и правового оформления различающихся своими правами и обязанностями социальных групп налицо, то можно предположить, что их возникновение и развитие является непосредственным отражением возникновения и развития недемократических институтов.

Примечания

- ¹ *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М., 1997. С. 18.
- ² *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? // Политические исследования. 1999. № 1. С. 11.
- ³ *Шмитт К.* Политическая теология. М., 2000. С. 170.
- ⁴ *Ильин М.В.* Приключения демократии в Старом и Новом Свете // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 83.
- ⁵ Там же. С. 82–83.
- ⁶ *Сартори Дж.* Вертикальная демократия // Политические исследования. 1993. № 2. С. 84.
- ⁷ *Качоха В.* Проблема общего блага в современной демократии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 61.
- ⁸ *Даймонд Л.* Прошла ли «третья волна» демократизации? С. 11; *Ашин Г.К.* Элитизм и демократия // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 61–62.
- ⁹ *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. С. 165.
- ¹⁰ Цит. по: *Ашин Г.К.* Элитизм и демократия. С. 64.
- ¹¹ Там же. С. 62.
- ¹² См.: *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 85–87.
- ¹³ *Ашин Г.К.* Элитизм и демократия // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 63.

- ¹⁴ *Сартори Дж.* Вертикальная демократия // Политические исследования. – 1993. № 2. С. 85.
- ¹⁵ *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 231.
- ¹⁶ *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования политических элит. С. 88.
- ¹⁷ *Бузгалин А.В.* «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 33.
- ¹⁸ *Михельс Р.* Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социологические исследования. 2000. № 1.
- ¹⁹ *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М., 1998. С. 214.
- ²⁰ *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 254.
- ²¹ *Зиновьев А.* Глобальное сверхобщество и Россия. Мн., 2000. С. 35.
- ²² Там же. С. 36, 41.
- ²³ *Мартинелли А.* Рынки, правительства и глобальное управление // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 10.
- ²⁴ *Косолапов Н.А.* Международно-политическая организация глобализующегося мира: модели на среднесрочную перспективу // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 160–162.
- ²⁵ *Бауман З.* Индивидуализированное общество. С. 255.
- ²⁶ *Арон Р.* Мир и война между народами. М., 2000. С. 358.
- ²⁷ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 317.
- ²⁸ *Алексеева Т.А.* Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 32; *Валлерстайн И.* Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной мир-системы // Рубежи. 1995. № 5. С. 124–130.
- ²⁹ *Федотова В.Г.* Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 15; *Петренко Н.С.* Права человека с позиций коммуитаризма и либерализма // Философские науки. 2000. № 3. С. 95.
- ³⁰ *Федотова В.Г.* Хорошее общество // Философские науки. 1999. № 1/2. С. 18–22.
- ³¹ *Мильчин И.* Культура как фактор американского глобального влияния // Философские науки. 2003. № 3. С. 39.
- ³² *Иноземцев В.Л.* Иммиграция: новая проблема нового тысячелетия. Методологические аспекты // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 35.